

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

МИКРОТОПОНИМИЯ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПОГРАНИЧЬЯ

(рецензия на книгу: Olejnik M. *Mikrotoponimia powiatu włodawskiego*. Lublin: Wyd-wo Uniwer. Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. 200 s.)

Европейская ономастика с большим вниманием относится к изучению микротопонимов – названий физико-географических и созданных человеком микрообъектов, функционирующих в коммуникации местного сообщества и известных узкому кругу людей, живущих вблизи именуемых объектов (см.: [2, с. 83]). В.А. Никонов справедливо утверждает: «Необъятная микротопонимия, в сотни раз превышая объём собственно топонимии, даёт несравнимо больше материала, в котором отразились многие явления, слабо отражённые в собственно топонимии или совсем не отражённые там» [1, с. 6].

Известны труды чешских, словацких, немецких, австрийских ономастологов, описывающих, картографирующих и этимологизирующих названия микрообъектов своих стран или отдельных их частей. В славянской лингвистике особенно большой вклад в изучение этого ономастического разряда внесли чешские учёные, которые ещё в середине XIX в. создали термин «*romístní jméno*». Считается, что автором этого словосочетания был юрист, историк и краевед Герменегильд Йиречек. Вероятно, на образование термина повлияли предшествующее чешское терминологическое словосочетание *místní jméno*, взаимосвязанное с немецким *der Ortsname*, а также косвенно немецкий термин «*der Flurname*» как обозначение особого пласта имён собственных. В Чехии вышла монография о микротопонимии [9], начато издание словаря микротопонимов [12].

Польская ономастика также использовала для микротопонимов первоначально термин, созданный на базе родного языка, – *nazwy terenowe*, который к концу XX в. стал заменяться интернационализмом *mikrotoponomia*

[11], хотя и прежнее название продолжает употребляться [6; 7; 8; 10].

Рецензируемая монография посвящена изучению микротопонимии польско-украинского языкового пограничья. Она создана в рамках деятельности Люблинской ономастической школы, возглавляемой проф. Ст. Вархоллом (см. о нём: [4]), который написал послесловие к книге, размещённое на последней стороне обложки. Монография является переработанной и дополненной докторской (кандидатской) диссертацией автора, написанной под руководством проф. Ф. Чижевского. Материал собирался М. Олейником во Влодавском повяте Люблинского воеводства в 2000–2005 гг., а также дополнительно в 2012–2013 гг.

Данная территория имеет богатую историю. Здесь жили с VII в. дулебы, бужане (вольняне), уличи, тиверцы, белые хорваты. На земле Червонной Руси существовали Червенские города, которые входили в состав Великой Моравии, а в 981 г. были присоединены Владимиром Святославичем к Древнерусскому государству. В 1018 г. на 12–13 лет они отошли к Польше, но затем снова были возвращены в состав Руси. После распада Древнерусского государства создано Галицко-Волынское княжество, которое в 1392 г. было разделено: Галиция с Белзким княжеством и Холмской Русью вошли в состав Королевства Польского, а Волянь отошла к Великому княжеству Литовскому. Червонная Русь находилась в составе Польши до XVIII в. В 1810 г. был создан Влодавский повят, он входил в Подляское воеводство, а потом в Люблинскую и Седлецкую губернии. В 20-е гг. XX в. здесь в трёх городских и 14 сельских гминах проживали 51% поляков, 30% украинцев и 16% евреев, которые населяли в основном города (во Влодаве их было 67% населения).

Местные украинцы не всегда отождествляли себя со своим народом, часто назывались поляками. Во время фашистской оккупации работу в местной администрации немцы давали прежде всего украинцам, чем поощряли население причислять себя к украинскому народу. Во время операции «Висла» в 1947 г. 44 тыс. человек были выселены на западные и

северные земли Польши, а на их место прибыли поляки-католики с Украины и центральной Польши. После 1957 г. многие семьи вернулись с запада и севера на родную землю.

К северу от реки Влодавки находятся селения с православными храмами, в которых население говорит на украинском диалекте, а иногда и на литературном языке. Православные церкви находятся в Янувке, Холешове, Каплёносах, Хоростыте, Холе, Ухруске, Влодаве (карта на с. 20). В ряде селений (Янувка, Кшивовежба и др.) старшее поколение говорит в быту на украинском диалекте, а младшее поколение, говорящее на польском языке, использует украинскую речь в экспрессивной функции. Любопытно, что местное население называет свой язык *хахляцким*, люди сообщают, что они говорят *по-хахляцки*. В этих словах нет коннотации, они употребляются нейтрально, как и в населённых украинцами сёлах Волгоградской области [5, с. 153]. Они называют также свою речь *prosta mowa*, говорят: *mówimy po swojemu*, подчёркивая, что в их речи много украинизмов, что они легко договариваются с украинцами, приезжающими из соседней страны на сельхозработы (с. 21).

В монографии рассматриваются основные черты польского и украинского говоров, бытующих на территории повята: они существенно отличаются от соответствующих литературных языков. Кратко автор касается истории исследований микропонимов в Польше, отмечая, что первой была работа Я. Рудницкого в 1939 г.

Всего М. Олейником был собран материал в 101 населённом пункте Влодавского повята. Научная добросовестность автора определяется перечнем фамилий информантов, с которыми ему довелось беседовать. Этот антропонимический материал интересен тем, что в нём высок процент фамилий украинского происхождения, причём значительное место занимают фамильные антропонимы с суффиксом *-uk*: Kiryuczuk, Oleksiuk, Romaniuk, Kazimierzuk, Zaniuk, Daciuk, Suproniuk, Pawluk, Ostapiuk, Korneluk и др.; совсем нет фамилий с суффиксом *-enko*. Отмечены также фамилии белорусского типа с суффиксами *-owicz/-iewicz*: Babkiewicz, Wojtowicz, Tadeniewicz, Jaglewicz, Gabrylewicz.

Обращает на себя внимание функционирование польских имён в сочетании с фамилиями украинского типа: Dariusz Walenciuk, Hieronim Kociuba, Hieronima Ganczaruk, Ryszard Gorczyca, Jadwiga Trochimiuk, Alfreda Mikiutiuk, Tadeusz Jurczuk, Eligiusz Kalita, однако

встречается и чёткое употребление национальной антропонимической формулы: *Vazyli Kinach – Wasyl Koszeluk*. В некоторых фамилиях с суффиксом *-uk* произошли изменения корневых согласных и гласных: *Pręciuk, Zaprzeluk*. У носителей говоров встречаются восточнославянские имена: *Kirył, Olga*, а также редкие польские (католические): *Genowefa* (дважды), *Prakseda*. В фамилиях отражается этническая принадлежность предка: *Polak, Czech*. Вызывает интерес фамилия *Moskwa*.

Основную часть книги составляет словарь микропонимов. Автор разделил польские и украинские единицы, всего в словарь вошло 861 название польского происхождения (994 объекта) и 261 украинское наименование (292 объекта). Но на самом деле не всё так просто: многие польские микропонимы имеют украинский корень, среди украинских встречаются лексемы, которые могут быть в равной степени отнесены к польскому языку (*Szczepana* – польск. *Szczepan*). Цифровые данные в последующих подсчётах превышают отмеченные выше показатели.

Некоторые единицы употребляются для обозначения нескольких объектов: *Brzezina* – два пастбища и четыре лесных участка; *Se-gielnia* – неудобь, два поля, лес, две площади. Некоторые микропонимы имеют ярко выраженные украинские черты: *Czetwertynu* – луг < укр. *четверть* ‘четвёртая часть морга (единицы измерения площади, равной 0,56 га)’, ср.: польск. *ćwiartka*; *Dihtiarowo* – луг < укр. *дітяр* ‘тот, кто делает или продаёт дёготь’, *Golowizna* – луг < рус. *голова*, другие формы с полногласием – *Horodiec, Horodok, Horoszki* и др. Среди микропонимов встречаются *Kozacka, Kozaki*, указывающие на украинских казаков или на легковооружённых воинов в российском войске. Для обозначения кладбищ употребляется слово *Mogilki*, которое широко используется во многих русских говорах [3, с. 190–191], в то время как в украинских отмечено с этим значением слово *гробки*.

Как и в остальных славянских языках, в исследуемом регионе микропонимы часто включают в свой состав предлоги: *Na Stawie, Nad Stawem, Za Lisom, Po Mazurkach, Pod Koszarkami, Koło Wiatraka*. Обращает на себя внимание отсутствие в названиях предлогов *біля, у*. Несколько микропонимов содержит в своём составе прилагательное *ruski*, которое местные жители объясняют так: название дано этим полям или лесным участкам в честь владельцев украинской национальности или православных людей (с. 92).

Особо выделены автором микрогидронимы. Многие из них корреспондируют с другими микропонимами: *Horodyszczce* – болото, *Leszczyna* – пруд, *NaRów* – река, *Pituch* – пруд < рус. петух, *Wolochaty* – пруд < укр. волохатий ‘заросший’ < ‘волосатый, мохнатый’.

Во второй части монографии проводится семантико-структурный анализ польских и украинских микропонимов. Исследователь различает названия наземных объектов (*nazwy lądowe*) и микрогидронимы (*nazwy wodne*). Среди польских наземных названий отмечены 390 топографических единиц (473 объекта), 140 первичных наименований (205 объектов), в т.ч. отсубстантивного и эллиптического происхождения, 102 вторичных наименования (108 объектов) и 148 неоднословных единиц, разделяющихся на 14 групп (прилагательное + существительное, предлог + существительное, композиты и пр.). Отдельно выделяются посессивные (владельческие) микропонимы, которые также разделяются на первичные, вторичные и сложные единицы, всего 241 название 269 объектов. Следующий тип выделения топонимов – названия культурного происхождения (149 единиц), которые можно также назвать артефактными, они также разделяются на отмеченные выше три группы. 61 микропоним отнесён к реляционным (оттопонимическим), а 13 – к двузачным и неясно-го происхождения.

М. Олейник обнаружил 116 микрогидронимов, больше всего названий прудов, болот и рек. Они также распределяются на топографические, посессивные, артефактные и реляционные.

Украинские микропонимы анализируются на тех же основаниях: 134 названия топографической семантики, 55 посессивных, 54 культурных, 12 реляционных, 5 неясных единиц. Микрогидронимы украинского происхождения (25 названий) также распределены по таким же группам.

Третья часть монографии посвящена анализу фонетических особенностей влодавских микропонимов. Автор обнаруживает отражение общепольских и диалектных черт вокализма и консонантизма (например, переход носовых польского литературного языка в диалектные сочетания *on, en*). В микропонимах украинского происхождения также отмечаются общеукраинские и диалектные фонетические черты (переход праславянского *ѣ* в *i*, уканье, рефлекс сочетания *dj* в виде *дж*).

В заключение М. Олейник даёт итоговый анализ функционирования микропонимов Влодавского повята, выраженный шестью та-

блицами, которые показывают, что в целом польские и украинские микропонимы этой части Польши имеют сходную семантико-структурную организацию: половину (а для микрогидронимов – 63–64%) составляют названия, отражающие топографические черты. Это, видимо, можно вывести как закон формирования микропонимии, который может найти отражение и на других территориях.

Завершает книгу богатая библиография, хорошо представляющая состояние современной польской топонимики и её историю. В список включены также труды украинских, российских, белорусских коллег.

Монография молодого польского исследователя Марека Олейника является достойным вкладом в польскую и славянскую топонимику. Она прекрасно представляет уровень топонимических исследований Люблинской ономастической школы и польской ономастики в целом. На фоне угасания интереса к ономастическим поискам в ряде стран Европы книга М. Олейника внушает надежду, что XXI в. принесёт ещё немало открытий в науке об именах собственных.

Список литературы

1. Никонов В.А. Научное значение микропонимии // Микропонимия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 11–18.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
3. Словарь русских народных говоров. Т. 18. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982.
4. Супрун В.И., Мадиева Г.Б. Развитие ономастической теории в трудах профессора Стефана Вархола // *Z zagadnień językoznawstwa słowiańskiego. Tom dedukowany Profesorowi Stefanowi Warchołowi / pod red. F. Czyżewskiego. Lublin: Wyd-wo Uniwer. M. Curie-Skłodowskiej, 2011. S. 259–269. (Rozprawy slawistyczne, t. 23).*
5. Супрун В.И. Украинское скрытое меньшинство в России // Украина – Западная Сибирь: украинская диаспора в полиэтническом регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: Тип. «Печатник», 2007. С. 147–159.
6. Chłudziński A. *Nazwy terenowe lądowe i wodne powiatu kołobrzeskiego. Pruszcz Gdański: Wyd-wo Jasne, 2010.*
7. Chojnacki J. *Nazwy terenowe na pograniczu wielkopolsko-kujawskim. Poznań: Wyd-wo Naukowe UAM, 2002.*
8. Famielec M. *Charakterystyka językowa materiału onomastycznego (na przykładzie nazw terenowych z powiatu ełckiego) // Białostockie*

Archiwum Językowe. Nr XI. Wyd-wo Uniwer. w Białymstoku, 2011. S. 57–66.

9. Pomístníj mēna v Čechách. O čem vypovídají jména polí, luk, lesů, hor, vod a cest / L. Olivová-Nezbedová a kol. Praha: Academia, 1995.

10. Rutkiewicz M. Nazwy terenowe i miejscowe w gminie dzichowo (woj. gorzowskie). Poznań: Wyd-wo WiS, 1997.

11. Rutkowski M. Mikrotoponimia przestrzeni wspinaczkowej. Studium socjoanamastyczne. Olsztyn, 2001.

12. Slovník pomístních jmen v Čechách. Úvodní svazek / L. Olivová-Nezbedová, J. Maleninská. Praha: Academia, 2000. Sv. I–IV / J. Matúšová a kol. 2005–2009.

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ОЛЯНИЧ А.В. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
ПО ЛИНГВИСТИКЕ,
ЛИНГВОСЕМИОТИКЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ. ВОЛГОГРАД:
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГАУ, 2014. 364 с.**

Рецензируемая книга охватывает большой спектр вопросов, актуальных для современной филологии и смежных с ней наук – прежде всего семиотики, лингводидактики, психологии и социологии. Столь значительная масштабность дискутируемых в книге проблем обусловлена широким кругом научных интересов А.В. Олянича, известного в России и за ее пределами ученого, продуктивно работающего в самых разных парадигмах гуманитарного знания. Являясь основателем признанной научной школы «Лингвoseмиотика потребностей и агрикультуры», А.В. Олянич развивает постулаты лингвоконцептологии, дискурсологии и теории культуры, детально «вырисовывая» современную концептуальную картину мира, роль в ее функционировании языка, речевой деятельности человека.

Центральное место в «Избранных статьях...» отводится проблемам теории дискурса. Хорошо известно, что последние два десятилетия в отечественной филологии характеризуются бурным и успешным развитием теории дискурса. Предлагаются многочисленные толкования дискурса, его различные типоло-

гии, методики анализа и т.п. При этом наиболее трудным является установление единиц анализа дискурса и исчерпывающее выявление его функций. Можно сказать, что в этом отношении в дискурсоведении существует своеобразная ниша, которую обнаружил и в которой разместил А.В. Олянич свою презентационную теорию дискурса. Действительно новым для дискурсологии является выявление А.В. Оляничем стратегического потенциала указанной теории, описание им лингвoseмиотического основания используемых в презентации стратегий и тактик. Стержневым понятием в концепции Андрея Владимировича выступает презентема, под которой понимается «мельчайшая информационная единица воздействия, представляющая собой сложный лингвoseмиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него» (с. 12). Презентема как комплексный знак – это своеобразная триада. Презентема, с одной стороны, представляет собой лингвистический знак (или совокупность лингвистических знаков), с другой стороны – это коммуникативная единица, которая реализует в нашей речи заложенную в нее информацию, освоенную коммуникантом, а с третьей – презентема является лингвoseмиотическим и коммуникативно-информационным образованием (т. е. интенцией говорящего) (Там же).

Презентема, как убедительно показано на материале многих включенных в книгу статей, характерна для любого типа дискурса. Не менее важное методологическое значение имеет и другое понятие в концепции А.В. Олянича – «презентационная структура дискурса». Она определяется как «особым образом (семантически и семиотически) организованный поток речи субъекта-индивида, в задачи которого входит осуществление эффективного воздействия на социальный объект (индивид или группу индивидов) с последующим достижением целей такого воздействия (изменение поведения воздействуемых с выгодой для воздействующего)» (с. 7).

На материале различных речевых жанров массово-информационного дискурса автор книги рассматривает лингвoseмиотические и семантико-прагматические характеристики презентемы. При этом значительное внимание уделяется игре как способу реализации коммуникативных интенций отправителя тек-